

ИМЯ ИГОРЯ ИЛЬИНСКОГО хорошо знакомо в нашей стране людям разных поколений. В далекие 20-е годы публику неужели влекло на спектакли, поставленные В. Э. Мейерхольдом, и на первые советские комедийные фильмы с участием Ильинского «Папиросница из Моссельпрома», «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Йоргена», «Месс Менд». В довоенную и послевоенную пору советский зритель получал заряд бодрости благодаря замечательной игре артиста в фильмах «Волга-Волга» и «Карнавальная ночь», вновь встречался с ним в пьесах Островского и Гоголя на сцене Малого театра. Большой популярностью пользуется в наши дни спектакль «Возвращение на круги своя», раскрывающий страницы великой жизни Льва Толстого. С голубого экрана в каждый дом вошло проникновенное слово Игоря Ильинского, удивительного мастера художественного чтения.

Наш корреспондент И. Окунев побывал в гостях у народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий И. В. ИЛЬИНСКОГО и взял у него интервью.

— В эти первые месяцы учебного года каждый из нас мысленно обращается к своей далекой юности, к школьным наставникам. Вы, как известно, занимались во Флеровской гимназии, ныне 110-й московской школе, которая воспитала немало выдающихся людей. Какие воспоминания сохранились у вас о тех далеких годах?

— Когда я выхожу из своего дома в Колобовском переулке и мне случается идти по Бульварному кольцу к Никитским воротам, где в свое время находилась Флеровская гимназия, сердце мое переполняет чувства светлые и одновременно грустные, я как бы вновь соприкасаюсь со своим детством и юностью. И в памяти возникают незабвенные образы моих первых учителей. Учитель в моем представлении это — доброта, чуткость, отзывчивость, душевная щедрость. Именно из этого я исходил, выбирая для исполнения на эстраде отрывок из повести Л. Толстого «Отрочество». Я не случайно остановился на монологе Карла Ивановича — духовного наставника Николеньки Иртеньева. Этим мне в какой-то мере хотелось воздать дань и своим учителям.

Сегодня с особенной теплотой вспоминаю я Сергея Нико-

лаевича Дурыллина. Он первый вместе с моим отцом пробудил у меня интерес к художественной литературе, привил любовь и вкус к чтению. Им обязан я и за то чувство юмора, которое они развивали во мне, словно превосходив мое актерскую судьбу. Мой учитель много делал для того, чтобы расширить кругозор своих воспитанников, обогатить их новыми представлениями. Однажды, например, он организовал увлекательную экспедицию в Кизи, чтобы познакомить нас с древним русским искусством. Мы долго ехали на перекладных, пока добрались до этих сказочных построек. Впечатления этой поездки запомнились мне на всю жизнь...

Однако сегодня мне хочется поговорить и о других учителях, которым я обязан всем, чего добился в жизни. Я имею в виду литературу и искусство, ставшие для меня своеобразной нравственной грамматикой, азбукой непреложных истин человеческих отношений. Мне повезло повстречаться с личным знакомым с Маяковским, Зощенко, Маршаком, Чуковским. Но и многие из писателей, с которыми я никогда не встречался, тем не менее вошли в мою жизнь благодаря своим произведениям, стали для меня подлинными

друзьями и советчиками. Они подарили мне счастливую возможность прожить на театральной сцене и на экране множество человеческих жизней. Литература и искусство помогли мне достойно прожить и свою собственную жизнь. Это — учителя, которые прежде всего пробуждают в человеке совесть, честность, отзывчивость, формируют высокие нравственные идеалы.

Особенно важно для меня как артиста, что в произведениях Толстого человек никогда не бывает однозначным. Писатель преподавал мне предметный урок того, как нужно показывать человека изнутри, во всей его противоречивости, раскрывать «диалектику души», по выражению Чернышевского.

Всю жизнь я не переставал размышлять о Толстом и его героях. Слова Акима из «Власти тьмы», которого мне довелось

сен «дедушки Крылова». Они дали первое представление о добре и зле, о характерах людей. Мне было 12 лет, когда я в домашнем детском спектакле выступил в малоизвестной комедии Крылова «Триумф». Играл я незадачливого царя Вакулу. Что касается басен Ивана Андреевича, то с ними посчастливилось пройти бок о бок всю жизнь. Басни Крылова я включил в свой репертуар, едва начав выступать на эстраде. С тех

много времени, прежде чем я смог до конца постигнуть всю глубину Гоголя как мощного национального художника, в полной мере оценить заветы его реалистической эстетики. Мысли художника о том, как должен вести себя на сцене актер, стремящийся к правде жизни, стали для меня руководством к действию. Советы писателя, рассыпанные в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизор», я принял безоговорочно и следую им поныне.

Ступенями на моем творческом пути были для меня пьесы Островского. Участие в спектаклях «Лес», «Без вины виноватые», «На всякого мудреца довольно простоты», «Волки и овцы», «Доходное место» стало для меня своеобразным экзаменом. Мне предстояло доказать и Малому театру, и самому себе, что наш союз не случаен, а совместная деятельность — закономерна. Островский и корифеи Малого театра научили меня показывать типичные характеры в типичных обстоятельствах, видеть людей в той исторической обстановке, которая породила их взгляды, стала побудительной причиной тех или иных поступков.

Все чаще в последнее время нам приходилось быть свидетелями модернизации классики. Между тем она совершенно не нуждается в искусственной связи с современностью. Правда жизни, правда человеческих чувств и мыслей делает ее необходимой во все времена. Мне кажется, что вольное обращение некоторых режиссеров и актеров с классикой может послужить предостерегающим уроком и для школьных учителей. Ведь не секрет, что есть у нас еще словесники, которые находятся во власти мертвых схем, стараются по полочкам разложить живой материал литературы, интерпретировать ее утилитарно. Промахи таких учителей

сродни ошибкам тех деятелей искусства, которые не доверяют классическому автору, его слову и его мысли, позволяя себе «обновлять» их.

— Каждый из нас, произнося слово «школа», невольно вспоминает свое детство, сравнивает «век нынешний и век минувший». Что бы вы, оглядываясь сегодня на пройденный вами большой путь, хотели пожелать учителям?

— В наши дни школа располагает богатым оборудованием, помогающим педагогическому процессу. Поговаривают даже о том, что наступит время, когда техника полновластно войдет в класс и электронный наставник предложит живому учителю освободить ему место на кафедре. Я убежден, что эти предсказания столь же беспочвенны, как и бытовавшие какое-то время разговоры о кино, которое вытеснит театр. Даже самый усовершенствованный робот никогда не заменит живого, увлеченного, пускай порой не безгрешного учителя. И, думаю, очень опасно, когда иной учитель уподобляется кибернетическому агрегату, лишенному живой творческой мысли и душевной теплоты.

Вспоминается курьезный факт. На спектакле «Горе от ума», который мы давали однажды специально для школьников, на фразу, произнесенную мной в роли Фамусова: «Ученье — вот чума!», неожиданно раздался гром аплодисментов. Понятно, что они не были протестом против знаний. Но это была, помоему, непосредственная детская реакция на формализм, казенщину, примитивизм, шаблон, которые, к сожалению, еще встречаются и нетерпимы для пытливого юного ума. Пусть все наши учителя работают так, чтобы у их воспитанников никогда не находили отклика фамусовские слова. Как говорится, не надо оаций...

В ТВОРЧЕСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ

«НЕ НАДО ОВАЦИЙ...»

— Помнится, в период первых космических полетов один из журналистов задал модный в те времена вопрос: «Какие три книги вы взяли бы с собой на Марс?». Вы ответили тогда: «Учитывая, что каждый килограмм багажа в космическом корабле будет на вес золота, возьму в дорогу только роман Толстого «Война и мир». Чем вызвано такое предпочтение?

— Толстой — мой любимый писатель с тех давних пор, когда я впервые услышал притчу о старом дедушке и его внуке. Не преувеличу, сказав, что этот писатель стал буквально властителем моих дум. Не кумиром, как теперь принято говорить, а именно властителем дум, который учил меня — мальчишку, подростка, взрослого человека — видеть, чувствовать, анализировать. Творчество великого писателя земли русской стало для меня школой познания человеческого характера.

играть: «Душа надобна» — навсегда стали для меня путеводной звездой. Когда меня теперь спрашивают, сколько лет я работал над образом самого Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя», я отвечаю: год, но это формально, а по существу я работал над ним всю свою сознательную жизнь.

— Все ваше творчество отмечено пристрастием к русской классике. Вы читаете произведения Пушкина, Крылова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чехова. Созданные образы Хлестакова, Городничего, Фамусова, Загорецкого и др. вошли в золотой фонд советского театрального искусства. Однажды вы сказали, что поставили перед собой цель послужить великим русским писателям...

— Об этом можно говорить много. Я, как и все русские дети, свои первые художественные впечатления получил от ба-

пор они постоянно присутствуют в моих чтецких программах, и я неизменно черпаю мудрость в этих произведениях. Жаль, что большинство взрослых людей, которые в детские годы зачитывались баснями Крылова, как правило, впоследствии к ним уже не возвращаются. Задача педагога раскрыть крыловские басни, приучить к мысли, что эти произведения должны сопутствовать им всегда. Не случайно молодой Тургенев сказал о Крылове, что на лице его — не сонливость, а ума палата. Эти слова, кстати, послужили для меня своеобразным ключом в работе над образом Кутузова в «Гусарской балладе».

Моим литературным дебютом можно считать школьное сочинение о Гоголе. Моим сценическим дебютом — роль Петровича в инсценировке гоголевской «Шинели». Было это 60 лет назад. Должно было пройти